

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих «Записок» предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр, В. П. Ч. П. К.¹. В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.², озаглавленное: „Размышления об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки“, за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюэлу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет о пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, — не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле, — не может не выразить глубокой уверенности в неопенимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие,

¹ Вице-президент, член Пиквикского клуба.

² Президент, член Пиквикского клуба.

раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип — оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватываю-

щим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хэмстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки, — восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пиквик!» — исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на уиндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — облекая они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемен: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоне невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других

прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревают его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: „Нет!“); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него — угроза поджога, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, — он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: „Стяжала!“ Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. („Нет! Нет!“) Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, возглас: „Нет!“) Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко „нет“, выступит и попробует это отрицать. (Возгласы одобрения.) Кто произнес „нет“? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) ученые иссле-

дования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) призывает к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? („К порядку!“ „Председатель!“ „Да!“ „Нет!“ „Продолжайте!“ „Довольно!“ „Довольно!“.)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвостун! (Полное смятение, громкие крики: „Председатель!“ „К порядку!“.)

Мистер Снодграсс призывает к порядку заседания. Он обращается к председателю. („Слушайте!“) Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной расправе между членами клуба? („Правильно!“)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон не колеблясь отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. („Правильно! Правильно!“) Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвостуном исключительно с пиквикистской точки зрения. („Правильно! Правильно!“)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно

проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюел Пиквик, наподобие другого солнца, воспрянул ото сна, открыл окно в комнате и воззрелся на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдаль, Госуэлл-стрит простиралась налево, и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, — размышлял мистер Пиквик, — и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи — в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подозрительной трубой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовый принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, — прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

— Кеб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции дикувинок. Это был уотермен.

— Пожалуйте, сэр! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кеб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб, Томми, — хмуро сообщил кебмен своему другу уотермену, когда кеб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кебмен повторил. Мистер Пиквик испытующе возрился на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле, — заметил равнодушно возница. — Мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи, да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кеба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

— Получите, — протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие — рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

— Вы с ума сошли, — сказал мистер Снодграсс.

— Или пьяны, — сказал мистер Уинкль.

— Вернее, и то и другое, — сказал мистер Тапмен.

— А ну выходи! — сказал кебмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. — Выходи... все четверо на одного.

— Ну и потеха! За дело, Сэм! — поощрительно закричали несколько извозчиков и, бурно веселясь, обступили компанию.

— Что за шум, Сэм? — полюбопытствовал джентльмен в черных коленкорových нарукавниках.

— Шум! — повторил кебмен. — А зачем понадобился ему мой номер?

— Да ваш номер мне совсем не нужен! — отозвался удивленный мистер Пиквик.

— А зачем вы его занесли? — не отставал кебмен.

— Я никуда его не заносил! — возмутился мистер Пиквик.

— Подумайте только, — апеллировал возница к толпе, — в твой кеб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу. (Мистера Пиквика осенило: записная книжка.)

— Да ну! — воскликнул какой-то другой кебмен.

— Верно говорю! — подтвердил первый. — А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кебмен швырнул шляпу оземь, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй — в грудь мистеру Пиквику, третий — в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради, — в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас воздуха из груди мистера Уинкля — все это в течение нескольких секунд.

— Где полисмен?! — закричал мистер Снодграсс.

— Под насос их! — посоветовал торговец горячими пирожками.

- Вы поплатитесь за это, — задыхался мистер Пиквик.
- Шпионы! — орала толпа.
- А ну выходи! — кричал кебмен, не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты — шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществят ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком насилии над личностью решили бы остановиться, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

— Что за потеха? — спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

— Шпионы! — снова заревела толпа.

— Мы не шпионы! — завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

— Так, значит, не шпионы? Нет? — обратился молодой человек к мистеру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

— Идемте! — проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать. — Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, уберите — — почтенный джентльмен — — хорошо его знаю — — без глупостей — — сюда, сэр, — — а где ваши друзья? — — сплошное недоразумение — — не придавайте значения — — с каждым может случиться — — в самых благопристойных семействах — — не падайте духом — — не повезло — — засадить его — — заткнуть ему глотку — — узнает, чем пахнет, — — ну и каналы!

И, продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

— Лакей! — заорал незнакомец, неистово потрясая колокольчиком. — Стаканы — — грог горячий, крепкий, сладкий, на всех — — глаз подбит, сэр? — — лакей! — — сырой говядины

джентльмену на глаз — сырая говядина — лучшее средство от синяков, сэр, — холодный фонарный столб — очень хорошо — но фонарный столб неудобно — чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу, — ха-ха! — не так ли? — отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычайного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облакал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его измятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

— Пустяки! — сразу прервал его незнакомец. — Не о чем говорить — ни слова больше — молодчина этот кебмен — здорово работал пятерней — но будь я вашим приятелем в зеленой куртке — черт возьми — свернул бы ему шею — ей-богу — в одно мгновение — да и пирожнику вдобавок — зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что Комодор сейчас отойдет.

— Комодор? — воскликнул незнакомец, вскакивая с места. — Моя карета — — место заказано — — наружное — — можете заплатить за грог — — нужно менять пять фунтов — — серебро фальшивое — — брамеджемские пуговицы — — не таковский — — не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

— Наверху вместе с вами, — проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

— Багаж, сэр? — спросил кучер.

— Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только — — остальной багаж идет водой — — ящики заколоченные — — величиной с дом — — тяжелые, чертовски тяжелые! — отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок.

— Головы, головы! Берегите головы! — кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. — Ужасное место — — страшная опасность — — недавно — — пятеро детей — — мать — — женщина высокая, ест сэндвич — — об арке забыла — — кряк — — дети оглядываются — — мать без головы — — в руке сэндвич — — нечем есть — — глава семьи обезглавлена — — ужасно, ужасно! — — Рассматриваете Уайтхолл, сэр? Прекрасное место — — маленькое окно — — там тоже кое-кому голову сняли — — а, сэр? — — он тоже заезжался — — а, сэр? а?

— Я размышлял, — сказал мистер Пиквик, — о странной превратности человеческой судьбы.

— О! Понимаю! Сегодняходишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр — философ?

— Наблюдатель человеческой природы, сэр, — ответил мистер Пиквик.

— Ну? Я — тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр — поэт?

— У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии, — ответил мистер Пиквик.

— Как и у меня, — сказал незнакомец. — Эпическая поэма — — десять тысяч строк — — Июльская революция — — сочинил на месте происшествия — — Марс днем, Аполлон ночью — — грохот орудий, бряцание лиры...

— Вы были свидетелем этого замечательного события, сэр? — спросил мистер Снодграсс.

— Свидетелем? Еще бы! — заряжаю мушкет — — заряжаюсь идеей — бросился в винный погребок — записал — — назад — бац! бац! — новая идея — — снова в погребок — перо и чернила — — снова назад — — режь, руби — славное время, сэр.

Он неожиданно повернулся к мистру Уинклю:

— Спортсмен, сэр?

— Немного, сэр, — ответил этот джентльмен.

— Прекрасное занятие, сэр, — — превосходное занятие — — собаки, сэр?

— Сейчас нет.

— Что вы! Займитесь собаками — — прекрасные животные — — умные твари — — был у меня пес — — поинтер — — удивительное чутье — — однажды вышли на охоту — — огороженное место — — свистнул — — собака ни с места — — снова свистнул — — Понто! — — ни с места: как вкопанная — — зову — — Понто! Понто! — — не двигается — — собака приросла к месту — — уставилась на забор — — взглянул и я — — вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду» — — не пошла — — изумительный пес, редкий был пес — — весьма!

— Факт исключительный! — заметил мистер Пиквик. — Позвольте записать.

— Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. — — Хорошенькая девочка, сэр? (Сие относилось к мистру Треси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.)

¹ Замечательный пример пророческой силы, отличавшей воображение мистера Джингля. Этот диалог происходил в 1827 году, а революция — в 1830 году. (Примеч. автора.)

— Очень! — согласился мистер Тапмен.

— Ну, англичанки не так хороши, как испанки, — — прелестные создания — — волосы — — черные как смоль — — глаза черные — — стройные фигуры — — чудные создания — — красавицы!

— Вы были в Испании, сэр? — спросил мистер Тапмен.

— Жил там целую вечность.

— Много одержали побед, сэр? — допытывался мистер Тапмен.

— Побед? Тысячи! — — Дон Болеро Фицгиг — — гранд — — единственная дочь — — донна Христина — прелестное создание — — любила меня до безумия — — ревнивый отец — — великодушная дочь — — красивый англичанин — — донна Христина в отчаянии — — синильная кислота — — у меня в чемодане желудочный зонд — — сделали промывание — старик Болеро Фицгиг в восторге — — соглашается на наш союз — — руки соединены и море слез — — и романтическая история — — весьма!

— Эта леди теперь в Англии, сэр? — полюбопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

— Умерла, сэр, умерла, — сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, — не могла оправиться после промывания — — слабый организм — — пала жертвой.

— А отец? — задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

— Угрызения совести и отчаяние — — внезапное исчезновение — — город только об этом и говорит — — ищут повсюду — — безуспешно — — вдруг перестал бить фонтан на главной площади — — недели идут — — засорился — — рабочие начинают чистить — — вода выкачана — — нашли тесля — — застрял головой вперед в трубе — — полная исповедь в правом сапоге — — вытащили, и фонтан забил по-прежнему.

— Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэр? — спросил потрясенный мистер Снодграсс.

— Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу, — — необыкновенная у меня жизнь — — любопытная биография — — ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе — а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей, — разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского моста, и за это время записные книжки мистера Пиквика и мистера Снодграсса вместили немало его приключений.

— Величественные развалины! — воскликнул мистер Огастес Снодграсс с отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

— Какая находка для любителя древности! — вырвалось из уст мистера Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубу.

— Прекрасное место, — сказал незнакомец, — славная руина — — хмурые стены — — шаткие своды — — темные закоулки — — лестницы вот-вот рухнут — — древний собор — — затхлый запах — — древние ступени стертые ногами пилигримов — — маленькие саксонские двери — — исповедальни словно будки театральных кассиров — — чудной народ эти монахи — — папы и лорды — — казначеи и всякого рода старцы с толстыми, красными физиономиями и сломанными носами — — колеты буйволово́й кожи — — кремневые ружья — — саркофаг — прекрасное место — — древние легенды — — странные истории — чудесно!

И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице «Бык» на Хай-стрит, куда подкатила карета.

— Вы остановитесь здесь, сэ́р? — спросил мистер Уинкль.

— Здесь? — — Нет — — вам советую — — хорошее заведение — — прекрасные постели — — рядом гостиница Райта, дорого — — очень дорого — — только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету — — обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали в гостинице, — — странные типы — — весьма!

Мистер Уинкль прошептал несколько слов мистеру Пиквику; шепот перешел от мистера Пиквика к мистеру Снодграссу, от мистера Снодграсса к мистеру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. Мистер Пиквик обратился к незнакомцу:

— Сегодня утром, сэ́р, вы оказали нам важную услугу. Разрешите хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

— С большим удовольствием — — не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами — превосходная вещь! В каком часу?

— Позвольте, — вытаскивая часы, ответил мистер Пиквик. — Сейчас около трех. Назначим на пять?

— Очень удобно, — сказал незнакомец, — ровно в пять — а пока всего хорошего.

И, приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев ее набекрень, незнакомец, с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге, быстро прошел по двору и свернул на Хай-стрит.

— Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события, — сказал мистер Пиквик.

— Мне бы хотелось взглянуть на его поэму, — сказал мистер Снодграсс.

— А мне бы очень хотелось видеть эту собаку, — сказал мистер Уинкль.

Мистер Тапмен не сказал ничего. Но думал он о донне Христине, о зонде для промывания желудка и о фонтане. Слезы навернулись у него на глазах.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились обозревать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки мистера Пиквика о четырех городах — Страуде, Рочестере, Четеме и Бромтоне, — мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впечатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его описание.

«Главное, что водится в этих городах, — пишет мистер Пиквик, — это, по-видимому, солдаты, матросы, евреи, мел, криветки, офицеры и портовые чиновники. На более людных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, камбала и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, вдохновленного любовью к человечеству, является истинным наслаждением созерцать этих храбрецов, бродящих по улицам и пошатывающихся от избытка жизненных сил и горячительных напитков, особенно если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шутками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающего поколения. Ничто (добавляет мистер Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпустить ему новую порцию напитков, в ответ

на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

Потребление табаку в этих городах, — продолжает мистер Пиквик, — должно быть, очень значительно. Улицы пропахли табачным дымом, и этот запах, вероятно, чрезвычайно приятен любителям курения. Поверхностный наблюдатель обратит, пожалуй, внимание на грязь, отличающую эти города; но тот, для кого она свидетельствует об уличном движении и о расцвете торговли, будет вполне удовлетворен».

Ровно в пять часов явился незнакомец, а немного спустя и обед. Со своим пакетом в оберточной бумаге незнакомец расстался, но никаких перемен в его внешности не произошло; и говорлив он был еще больше, если это только возможно.

— А тут что? — спросил он, когда слуга снял крышку с одного из блюд.

— Камбала, сэр.

— А, камбала! — — Превосходная рыба — — идет из Лондона — — владельцы пассажирских карет устраивают политические обеды — — доставка камбалы — — десятками корзин — — ловкие ребята — — стаканчик вина, сэр?

— С удовольствием, — согласился мистер Пиквик; и незнакомец выпил сперва за его здоровье, затем за здоровье мистера Снодграсса, затем за здоровье мистера Тапмена, затем за здоровье мистера Уинкля и, наконец, за всех вместе; и все это проделал так же стремительно, как болтал.

— Чертовская суетолака на лестнице, лакей, — сказал он. — Скамейки наверх — — плотники вниз — — лампы, стаканы, арфы. Что-нибудь готовится?

— Бал, сэр, — ответил слуга.

— Ассамблея, а?

— Нет, сэр, не ассамблея, сэр. Бал с благотворительной целью, сэр.

— Не знаете ли, сэр, много в этом городе хорошеньких женщин? — с великим интересом спросил мистер Тапмен.

— Блистательны! — — Превосходны! Кент, сэр! — — Кто не знает Кента! — — Яблоки, вишни, хмель и женщины. Стаканчик вина, сэр?

— С большим удовольствием, — согласился мистер Тапмен.

Незнакомец налил и выпил.

— Мне бы очень хотелось посетить, — молвил мистер Тапмен, подразумевая бал. — Очень бы хотелось.

— Билеты в буфете, полгинеи, сэр, — вернул слуга.

Мистер Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но, не встретив сочувствия в помутившихся глазах мистера Снодграсса и в отсутствующем взгляде мистера Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

— Прошу прощения, сэр, — начал незнакомец, — бутылка оплачена — — пустите — — по кругу — — по солнцу — — пить до дна.

И он осушил стакан, который наполнил минуты две назад, и налил другой с видом человека, весьма к этому привычного.

Вино было выпито, потребовали еще. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой мистер Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице мистера Пиквика; а мистер Уинкль и мистер Снодграсс заснули крепким сном..

— А наверху уже началось, — сказал незнакомец. — Слушайте — — настраивают скрипки — — арфу — — поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

— Как бы мне хотелось пойти! — снова молвил мистер Тапмен.

— И я не прочь, — сказал незнакомец, — проклятый багаж — — везут на баркасах — — не в чем идти — — досадно! — — досадно!

Одним из основных начал пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу мистер Треси Тапмен следовал с большим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежным пособием.

— Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм, — начал мистер Треси Тапмен, — но вы худощавы, тогда как я...

— Толстоват — — как Бахус в зрелом возрасте — — снял листья, слез с бочки и облачился в сукно, а? — — Ха-ха! Не валяно, а напялено? Переправьте бутылку.

Задел ли мистера Тапмена повелительный тон, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец тут же покончил, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным тем, что влиятельного члена Пиквикского клуба нагло сравнили с Бахусом, слезшим с бочки, — этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца; но так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

— Я хотел сказать, сэръ, — начал он, — если мой костюм вам широк, то костюм моего друга мистера Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с мистера Уинкля и, просясь, удовлетворенно бросил:

— В самую пору!

Мистер Тапмен огляделся вокруг. Вино, возымевшее снотворное действие на мистера Снодграсса и мистера Уинкля, отуманило мозг мистера Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неестественно ярким светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и наконец угас окончательно. Голова его поникла на грудь; и только непрерывный храп да наступавшие время от времени короткие вдохи, напоминавшие припадки удушья, оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и оценить красоту кентских леди томило мистера Тапмена. Желание захватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что казалось, жил в этих краях с самого детства. Мистер Уинкль спал, а мистер Тапмен был достаточно опытен в таких делах и знал, что в момент пробуждения тот — согласно природе вещей —

способен только на одно — рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

— Налейте себе и передайте бутылку, — напомнил неутомимый гость.

Мистер Тапмен совершил то, что от него требовалось, и добавочный стимул последнего стакана подсказал ему решение.

— К Уинклю можно попасть через мою спальню, — сказал он, — если я его сейчас разбужу, все равно он не поймет, что мне от него нужно; но я знаю, что у него в саквояже есть фрачная пара, и если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

— Превосходно, — одобрил гость, — великолепный план — — глупейшее положение — — четырнадцать костюмов в багаже, а придется надевать чужой — — замечательная идея — — весьма!

— Нужно купить билеты, — решил мистер Тапмен.

— Не стоит дробить гинею — — бросим жребий, кому платить за обоих — — я называю, вы пускайте — — раз — — женщина, женщина, очаровательная женщина! — И соверен упал сверху драконом (из любезности наименованным женщиной).

Мистер Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был полностью облачен во фрачную пару мистера Натэниела Уинкля.

— Это новый фрак, — объяснил мистер Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало. — Первый фрак со значком нашего клуба! — И он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст мистера Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

— П. К.? — спросил тот. — Странное украшение — портрет этого старикана и П. К.? Что это значит П. К.? Прескверный костюм, а?

Мистер Тапмен с важностью и не без раздражения раскрыл таинственные инициалы.

— Талия коротковата? — сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлось чуть не на середину спины. — Как у почтальона — — смешные у них кафтаны — — одного размера — — без примерки — — таинственное предопределение — — малорослым достаются длинные кафтаны — — высоким короткие.

Болтая без умолку, новый приятель мистера Тапмена оправил свой фрак, вернее, фрак мистера Уинкля и в сопровождении мистера Тапмена поднялся по лестнице, ведущей в зал.

— Ваши фамилии, сэр? — спросил лакей у двери.

Только что мистер Тапмен собрался сообщить свое имя, как вмешался его товарищ.

— Никаких имен! — И затем зашептал мистеру Тапмену: — Не надо имен — — неизвестны — — славные имена, но широкой публике неизвестны — — для маленькой вечеринки превосходные имена, но на балу не произведут впечатления — — инкогнито, вот что надо! — — Джентльмены из Лондона — — знатные путешественники — — вот!

Дверь распахнулась, и мистер Треси Тапмен с незнакомцем вошли в зал. Это была длинная комната со скамьями, обтянутыми малиновой материей, и со стеклянными люстрами, в которых торчали восковые свечи. Музыканты были тщательно спрятаны на закрытой эстраде, и несколько пар отплясывало по всем правилам кадрили. В соседней комнате расставлено было два ломберных стола, за которыми сражались в вист четыре пожилых леди и соответствующее число толстых джентльменов.

Кадриль кончилась, танцующие стали прогуливаться по залу, и мистер Тапмен с приятелем поместились в углу, чтобы обзреть собравшихся.

— Очаровательные женщины! — заметил мистер Тапмен.

— Погодите минутку, — сказал незнакомец. — Сейчас здесь забавные типы — — которые познатней, еще не пришли — — странное местечко — — портовые чиновники, которые повыше рангом, знать не хотят портовых чиновников рангом пониже — — чиновники рангом пониже знать не хотят мелких помещиков — мелкие помещики знать не хотят купцов — — начальник порта знать не хочет никого.

— Кто этот мальчишка с красными глазками, блондин, в маскарадном костюме? — спросил мистер Тапмен.

— Тсс! — — Красные глазки — — маскарадный костюм — мальчишка — — чепуха — — прапорщик Девяносто седьмого полка — — почтенный Уилмот Снайпс — — благородная фамилия — — Снайпс — — весьма!

— Сэр Томас Клаббер, леди Клаббер и мисс Клаббер! — громовым голосом провозгласил лакей.

По залу прошел шепот, когда показались высокий джентльмен в синем фраке с блестящими пуговицами, объемистая леди в синем шелковом платье и две молодые леди, столь же объемистые, в модных платьях того же цвета.

— Правительственный комиссар — — начальник порта — — важная особа — — весьма важная особа, — зашептал новый знакомый в ухо мистеру Тапмену, пока благотворительный комитет провожал сэра Томаса Клаббера с семейством в почетный угол зала.

Почтенный Уилмот Снайпс и другие избранные джентльмены бросились приветствовать двух мисс Клаббер, а сэр Томас Клаббер стоял прямой как палка и величественно взирал поверх своего черного галстука на собравшееся общество.

— Мистер Смити и миссис Смити с дочерьми, — доложил лакей.

— Кто такой мистер Смити? — прошептал мистер Тапмен.

— Служит в порту, — ответил новый знакомец.

Мистер Смити почтительно поклонился сэру Томасу Клабберу, а сэр Томас Клаббер с подчеркнутой снисходительностью ответил на поклон. Леди Клаббер бросила через лорнет высокомерный взгляд на миссис Смити с семейством, а миссис Смити, в свою очередь, пронзила миссис Как-ее-бишь, чей муж вовсе не служил в порту.

— Полковник Балдер, миссис Балдер и мисс Балдер! — так возвестили о вновь прибывших.

— Начальник гарнизона, — шепнул приятель мистера Тапмена в ответ на вопрошающий взгляд последнего.

Две мисс Клаббер радостно встретили мисс Балдер; с чрезвычайной горячностью приветствовали друг друга полковница Балдер и леди Клаббер; полковник Балдер и сэр Томас Клаббер позаимствовались друг у друга понюшкой табаку и при этом очень походили на двух Александров Селькирков — «повелителей всего, что объемлет глаз».

Пока городская знать — Балдеры, Клабберы, Снайпсы — блюла свое достоинство в почетном конце зала, другие классы общества подражали ее примеру в других частях зала. Менее аристократические офицеры 97-го полка уделяли свое внимание менее важным семьям портовых чиновников. Жены законовладельцев и жена винного торговца возглавляли общество рангом пониже (супруга пивовара бывала у Балдеров); а миссис

Томлинсон, содержательница почтовой конторы, казалось, с общего согласия предводительствовала купечеством.

Одним из самых популярных членов своего кружка был маленький толстый джентльмен с бахромой торчащих черных волос, окаймлявших большую плешь, — доктор Слеммер, военный врач 97-го полка. Доктор угощался табачком из всех табакерок, со всеми болтал, хохотал, танцевал, шутил, играл в вист — всюду поспевая. Ко всем своим многообразным занятиям маленький доктор присовокуплял еще одно, более важное: он, не щадя сил, оказывал самое неослабное внимание маленькой пожилой вдове, чье роскошное платье и обилие украшений обещали лакомое добавление к скромному докторскому жалованью.

Именно на доктора и на вдову устремлены были взгляды мистера Тапмена и его приятеля, когда последний прервал молчание.

— Денег тьма — — старуха — — надутый доктор — — прекрасная идея — — чертовски весело, — срывались с его уст маловразумительные словосочетания.

Мистер Тапмен испытующе посмотрел на него.

— Пойду танцевать со вдовой, — заявил тот.

— Кто она? — спросил мистер Тапмен.

— Понятия не имею — — вижу первый раз в жизни — — оттеснить доктора — — попробуем.

И незнакомец пересек комнату и, облокотившись о каминную доску, устремил на толстую физиономию старой леди взор, полный почтительного и меланхолического восхищения.

Мистер Тапмен взирал безгласно и удивленно. Его приятель быстро преуспевал; маленький доктор танцевал с какой-то другой леди; вдова уронила веер, приятель поднял его и вручил ей — улыбка — поклон — реверанс — несколько слов. Затем он смело подошел к распорядителю и вернулся вместе с ним к вдове; краткая пантомима представления; новый знакомец мистера Тапмена занял место в кадрили рядом с миссис Баджер.

Сколь ни велико было удивление мистера Тапмена перед этой стремительностью действий, изумление доктора было неизмеримо больше. Незнакомец был молод, вдова польщена. Она перестала замечать ухаживания доктора, а негодование последнего не производило на его невозмутимого соперника ни малейшего впечатления. Доктор Слеммер остол-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава I. <i>Пиквикисты</i>	11
Глава II. <i>Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями</i>	16
Глава III. <i>Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадная помеха и неприятная встреча</i>	44
Глава IV. <i>Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и приглашение поехать за город</i>	56
Глава V, краткая, повествующая, между прочим, о том, как мистер Пиквик вызвался править, а мистер Уинкль — ехать верхом и что из этого получилось	68
Глава VI. <i>Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника</i>	79
Глава VII о том, как мистер Уинкль, вместо того чтобы метить в голубка и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка; как клуб крикетистов Дингли Делла состязался с объединенным Магльтоном и как Дингли Делл давал обед в честь объединенных магльтонцев, а также о других интересных и поучительных вещах	94
Глава VIII, ярко иллюстрирующая мысль, что путь истинной любви — не гладкий рельсовый путь	109
Глава IX. <i>Открытие и погоня</i>	123
Глава X, разрешающая все сомнения (если таковые имели место) касательно бескорыстия мистера Джингля	131

Глава XI, которая заключает в себе еще одно путешествие и археологическое открытие, оповещает о решении мистера Пиквика присутствовать на выборах и содержит рукопись старого священника	147
Глава XII, повествующая о весьма важном поступке мистера Пиквика: событие в его жизни не менее важное, чем в этом повествовании	165
Глава XIII. Некоторые сведения об Итенсуилле: о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представлять в парламенте этот древний, верноподданный и патриотический город	171
Глава XIV, содержащая краткое описание компании, собравшейся в «Павлине», и повесть, рассказанную торговым агентом	191
Глава XV, в которой даются верные портреты двух выдающихся особ и точное описание парадного завтрака в их доме и владениях, каковой парадный завтрак приводит к встрече со старыми знакомыми и к началу следующей главы	209
Глава XVI, слишком изобилующая приключениями, чтобы можно было кратко их изложить	224
Глава XVII, показывающая, что приступ ревматизма в некоторых случаях действует возбуждительно на творческий ум	244
Глава XVIII, вкратце поясняющая два пункта: во-первых, силу истерики и, во-вторых, силу обстоятельств	253
Глава XIX. Приятный день, неприятно окончившийся	264
Глава XX, повествующая о том, какими дельцами были Додсон и Фогг, и какими повесами их клерки, и как происходило трогательное свидание мистера Уэллера с его давно пропавшим родителем; а также о том, какое избранное общество собралось в «Сороке и Пне» и какой превосходной будет следующая глава	279
Глава XXI, в которой старик обращается к излюбленной теме и рассказывает повесть о странном клиенте	297

Глава XXII. <i>Мистер Пиквик едет в Инсуич и наталкивается на романтическое приключение с леди средних лет в желтых папильотках</i>	314
Глава XXIII, <i>в которой мистер Сэмюел Уэллер направляет свою энергию на борьбу с мистером Троттером, чтобы добиться реванша</i>	331
Глава XXIV, <i>в которой мистер Питер Магнус становится ревнивым, а леди средних лет пугливой, вследствие чего пиквикисты попадают в тиски закона</i>	340
Глава XXV, <i>показывающая, наряду с приятными вещами, сколь величествен и беспристрастен был мистер Напкинс и как мистер Уэллер отбил волан мистера Джоба Троттера с такою же силой, с какою тот был пущен; и повествующая еще кое о чем, что обнаружится в надлежащем месте</i>	357
Глава XXVI, <i>которая содержит краткий отчет о ходе дела «Бардл против Пиквика»</i>	377
Глава XXVII. <i>Сэмюел Уэллер совершает паломничество в Доркинг и лицезреет свою мачеху</i>	384
Глава XXVIII. <i>Веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, которые, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдутся в наше извращенное время</i>	394
Глава XXIX. <i>Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря</i>	417
Глава XXX. <i>Как пиквикисты завязали и укрепили знакомство с двумя приятными молодыми людьми, принадлежащими к одной из свободных профессий, как они развлекались на льду и как закончился их визит</i>	428
Глава XXXI, <i>которая целиком посвящена юриспруденции и различным великим знатокам, ее изучившим</i>	440
Глава XXXII <i>описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную мистером Бобом Сойером в его квартире в Боро</i>	457

Глава XXXIII. <i>Мистер Уэллер-старший высказывает некоторые критические замечания, касающиеся литературного стиля, и с помощью своего сына Сэмюэла уплачивает частицу долга преподобному джентльмену с красным носом</i>	472
Глава XXXIV <i>целиком посвящена полному и правдивому отчету о памятном судебном процессе «Бардл против Пиквика»</i>	489
Глава XXXV, <i>в которой мистер Пиквик убеждается, что лучше всего ему отправиться в Бат, и поступает соответственно</i>	517
Глава XXXVI, <i>содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдаде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее мистера Уинкля</i>	534
Глава XXXVII <i>правдиво объясняет отсутствие мистера Уэллера, описывая soirée, на которое он был приглашен и отправился; а также повествует о том, как мистер Пиквик дал ему секретное поручение, деликатное и важное</i>	546
Глава XXXVIII <i>о том, как мистер Уинкль, сойдя со сковороды, тихо и мирно вошел в огонь</i>	560
Глава XXXIX. <i>Мистер Сэмюэл Уэллер, удостоившись романического поручения, приступает к его исполнению; с каким успехом — обнаружится дальше</i>	575
Глава XL знакомит мистера Пиквика с новой и безынтересной сценой в великой драме жизни	591
Глава XLI. <i>Что произошло с мистером Пиквиком, когда он попал во Флит, каких заключенных он там увидел и как он провел ночь</i>	604
Глава XLII, <i>доказывающая, подобно предыдущей, справедливость старой истины, что несчастье сводит человека со странными сожителями, а также содержащая невероятное и поразительное заявление мистера Пиквика мистеру Сэмюэлу Уэллеру</i>	617
Глава XLIII, <i>повествующая о том, как мистер Сэмюэл Уэллер попал в затруднительное положение.</i>	633

Глава XLIV повествует о разных мелких событиях, происшедших во Флите, и о таинственном поведении мистера Уинкля и рассказывает о том, как бедный арестант Канцлерского суда был наконец освобожден	647
Глава XLV, повествующая о свидании мистера Сэмюэла Уэллера со своим семейством. Мистер Пиквик совершает осмотр маленького мира, в котором обитает, и принимает решение как можно меньше соприкасаться с ним в будущем . . .	662
Глава XLVI сообщает о трогательном и деликатном поступке, не лишенном остроумия, задуманном и совершенном фирмой «Додсон и Фогг»	679
Глава XLVII посвящена преимущественно деловым вопросам и временной победе Додсона и Фогга. Мистер Уинкль появляется вновь при необычайных обстоятельствах. Доброта мистера Пиквика одерживает верх над его упрямством	690
Глава XLVIII, повествующая о том, как мистер Пиквик с помощью Сэмюэла Уэллера пытался смягчить сердце мистера Бенджемина Эллена и укротить гнев мистера Роберта Сойера	703
Глава XLIX, содержащая историю дяди торгового агента . . .	716
Глава L. Как мистер Пиквик отправился исполнять поручение и как он с самого начала нашел поддержку у весьма неожиданного союзника	733
Глава LI, в которой мистер Пиквик встречает старого знакомого, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан интереснейшими фактами, здесь изложенными, о двух великих общественных деятелях, облеченных властью	749
Глава LII, повествующая о важном событии в семействе Уэллера и о безвременном падении красноногого мистера Стиггинса	764
Глава LIII, которая повествует об уходе со сцены мистера Джингля и Джобба Троттера, о знаменательном деловом утре в Грейз-Инн-сквер и которая заканчивается стуком в дверь к мистеру Перкеру	776

Глава LIV, содержащая некоторые подробности о стуке в дверь и другие события; среди них интересное разоблачение, касающееся мистера Снодграсса и молодой леди, которое отнюдь нельзя назвать неуместным в этом повествовании. . .	789
Глава LV. Мистер Соломон Пелл с помощью выборного комитета кучеров улаживает дела мистера Уэллера-старшего	806
Глава LVI. Мистер Пиквик и Сэмюел Уэллер ведут серьезную беседу, в которой участвует родитель последнего. Неожиданно является старый джентльмен в костюме табачного цвета . .	819
Глава LVII, в которой Пиквикский клуб прекращает свое существование и все заканчивается ко всеобщему удовольствию	832
Примечания. Евгений Ланн	840

Диккенс Ч.

Д 45 Посмертные записки Пиквикского клуба : роман / Чарльз Диккенс ; пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 864 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-04565-1

Почитаемый во всем мире Чарльз Диккенс всегда пользовался признанием и в России. Своим любимым писателем его называл Ф. М. Достоевский. Л. Н. Толстой ставил романы Диккенса в первый ряд мировой литературы, отмечая присущие им значительность содержания, мастерство формы, искренность и «нравственное отношение автора к предмету». Все эти качества в полной мере относятся и к роману «Посмертные записки Пиквикского клуба», который вышел в свет отдельным изданием в 1837 году и сразу же сделал автора знаменитым. Веселый, остроумный, полный великолепного английского юмора роман о клубе смешных, симпатичных джентльменов, путешествующих по стране, многие годы является одной из любимых книг читателей всего мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО
КЛУБА

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова,
Елена Орлова, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 26.12.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38,07.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
1115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-11223-05-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/